

ФИЛОЛОГИЯ*(шифр научной специальности: 10.02.19)*

УДК 81

И.А. Кузьмина, И.А. Животкова*Донской государственный технический университет**г. Ростов-на-Дону, Россия**irinagomulko@yandex.ru***НОМИНАЦИИ ГОЛОВНЫХ УБОРОВ
КАК ЭКСПЛИКАТОРЫ
ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ*****[Irina A. Kuzminova, Irina A. Zhivotkova Category of headwear
as explicatory of ethno-cultural information]***

It is presented a fragmentary lexical-semantic space of the concept "headwear", which contains a set of lexical units that are semantically related to the reference general meaning of "headwear". These nominations represent the amount of knowledge that was obtained by the ethnos as a result of understanding of various phenomena of reality and practical development of the world. The definition of system connections between the word and the reality designated by it has caused relevance of this article. The study of these relations should be carried out with the involvement of linguistic, cultural and ethnographic information. The theoretical and practical significance of the work lies in the fact that it involves the identification of national-mental and national-cultural components of the studied nominations, most of which came out of common use, resulting in the loss of information about these objects of ethnic culture.

Key words: nomination, concept, headwear, ethno-cultural, lingual and cultural.

Номинации головных уборов являются «номинативными единицами повышенной этнокультурной значимости» [1, с. 186]. Головные уборы представляют собой языковую культуру, воплощенную в конкретном слове и реализованную в значениях определенных слов, отражающих итоги познавательно-практической деятельности человека – участника, определенного социального этноязыкового коллектива. Несомненно, что культурные и ментальные особенности, присущие конкретной нации, воплощаются в слове, представляющем собой языковую проекцию мировидения, мироощущения и самосознания того или иного этнокультурного сообщества. Номинации головных уборов могут быть мотивационно связаны с конкретными географическими и этниче-

скими реалиями, содержащими определенную этнокультурную информацию. В качестве примера приведем топоним *бретон*, который своим происхождением обязан названию города Бретань во Франции, где были популярны и до сих пор распространены шляпы с более или менее высокими полями, поднятыми вертикально вверх. Иная разновидность бретона – *бретон с отвесными полями* или *томми*. Данный головной убор напоминает *болеро*, несмотря на то что *бретон* имеет более плоские поля, которые направлены наружу, и их диаметр значительно превышает выпуклые и загнутые внутрь поля *болеро*. Кроме того, такая форма шляпы также именуется *томми*.

В словаре иностранных слов отмечено, что «Томми – разговорно-шутливое прозвище солдата британской армии» [4, с. 779]. Можно предположить, что при обозначении вышеуказанного головного убора важную роль сыграл именно этот вторичный мотивирующий признак – «разговорно-шутливое прозвище». Что касается самой номинации *болеро*, то она была заимствована из испанского языка (*bolero*) [5], и имеет прямое отношение к испанскому национальному костюму. Данная лексема является полисемантической лексической единицей, лексико-семантический вариант которой выделился в результате метонимического переноса: 1) испанский народный танец; 2) вокальное или инструментальное музыкальное произведение; 3) короткая безрукавка (первоначально – часть народного испанского костюма) [4, с. 136].

Следует подчеркнуть, что не все лексикографы выделяют номинацию *болеро* как головной убор. Тем не менее, данное название существует в тематической группе головных уборов, потому как представляет собой часть национального костюма. Интересно, что *тирольская шляпа* является прототипом *альпийской шляпы*, ассоциирующейся с одеждой в стиле «casual» (случайный, непреднамеренный). В Австрии данную шляпу называют *зальцбургской шляпой*, и она является обязательным атрибутом австрийского национального костюма. Заметим, что русский вариант *тирольской шляпы* представляет собой головной убор, сзади поля которого подняты вертикально вверх, а спереди отогнуты вниз.

Название «*калабрийская шляпа*» происходит от наименования определенного места, Калабрии – юга Италии, где данная шляпа впервые появилась, а сам головной убор представляет собой широкополую шляпу с высокой заостренной тульей.

Лоцманская шляпа, зюйдвестка или шляпа с отворотами широко представлена на территории нашей страны. Поля такой шляпы либо отвернуты полностью, либо совсем отсутствуют сзади. Сама номинация *зюйдвестка* заимствована из нидерландского языка и может быть определена как топоним, так как семантически связана с конкретным местом. Это «круглая мягкая шляпа из непромокаемой материи с широкими полями, надеваемая моряками в непогоду» [4, с. 286].

Еще один интересный топоним – *ковбойская шляпа* – своим происхождением обязан западной части США, где ее носили ковбои – пастухи, следившие за коровьими стадами. *Ковбойская шляпа* – это шляпа с особенно широкими полями, с тульей, примятой с боков. Что особенно важно, у нее обязательно должна быть лента или ремешок, удерживающая ее на голове при быстрой езде. Хотя *ковбойская шляпа* изначально являлась характерным атрибутом мужчин-ковбоев, в настоящий момент ее носят и представительницы слабого пола.

Особой популярностью среди соломенных шляп пользуется *сомбреро* – «испанская или латиноамериканская широкополая шляпа» [4, с. 725]. Такая шляпа отдаленно напоминает *панаму*, но существенно отличается от нее шириной полей. Слово *сомбреро* заимствовано из испанского языка, где «sombra» – тень [5, с. 770]. Действительно, благодаря широким полям создается большая тень на лице и открытой части шеи.

Что касается головного убора – *панамы*, то его изобретение и производство напрямую связано с Эквадором, где растет особый вид соломы, используемый для плетения данной шляпы. Однако вербализация этого головного убора произошла по причине того, что данный аксессуар поставлялся в Европу и США исключительно через Панаму. *Панама* как универсальный головной убор представляет собой «летнюю матерчатую шляпу с мягкими полями» [6, с. 481], которую носят представители разных поколений: от младенцев до пожилого населения. Отметим, что вследствие метонимического переноса между предметом одежды и тканью выделился представленный лексико-семантический вариант: *панама* – 1) летний головной убор, имеющий форму широкополой шляпы; 2) разновидность ткани из искусственного шелка [3, с. 337].

Стоит отметить, что лексема *кубанка* также мотивационно-ориентировочно связана с определенными географическими и этническими реалиями. В современном русском литературном языке лексема *кубанка* обозначает одну из разновидностей *папахи* и представляет собой основной элемент костюма кубанских казаков. *Кубанка* – «расширяющаяся кверху барашковая шапка с плоским матерчатым или кожаным верхом» [6, с. 312].

Характерную этнокультурную информацию содержат и номинации *эннин*, *чепец* и *туре*. Так, *эннин* (первый предок чепца) скрывал прическу, одновременно оставляя открытым большой лоб, и достигал таких размеров, что «...рядом с дамами, одетыми в эннин,...» мужчины «чувствовали себя жалкими кустиками в дубовом лесу» [2, с. 67].

Вариации и размеры *чепцов* во все времена были непредсказуемы и удивительны. *Чепцы* изготавливали из плотной или прозрачной шелковой ткани, гигантских размеров или неброской формы. Например, в Англии в XVI веке *чепцы-турэ* могли себе позволить только придворные дамы, потому что эти чепцы представляли собой национальное достояние. В России же *чепцы* носили в основном городские женщины. Примечательно, что обязательным элементом купального костюма женщин в начале XX века был *чепец* большого размера. *Чепец* – «женский или детский головной убор в виде капора, закрывающего волосы, завязывающегося под подбородком» [6, с. 868]. Полагаем, что в настоящее время определение данной лексемы в качестве женского головного убора является устаревшим, а сама лексема *чепец* относится к пассивному пласту лексики – историзмам. Современное употребление номинации *чепец* встречается только при наименовании детского головного убора.

Примечательно, что появление *чепцов* напрямую связано со средневековым, когда к платью *роб* обязательно надевали *чепец-эннин*, «напоминающий сахарную голову, который к тому же еще и покрывался длинным прозрачным покрывалом, ниспадающим на шлейф платья» [2, с. 67]. В конце XIX и в начале XX века многие замужние дамы в возрасте предпочитали головные уборы с небольшим украшением – так называемые *чепцы-куафюры* (кружевные сложные сооружения с *фалдами* на затылке).

При создании данных номинаций широко представлен «антропонимический подход» в лексико-семантическом пространстве понятия головных уборов. Имя значительно влияет на денотат антропонима при помощи смысло-

го содержания и соотносится с реальным человеком. Толкование и соответствующее понимание значения данного имени напрямую связано и с самим человеком, именем которого назван тот или иной артефакт.

Вышеуказанные антропонимы (номинации-персонимы) в своей семантике содержат определенное количество денотативных признаков, имеющих отношение к конкретной личности. Кроме того, прагматическая составляющая данных номинаций-персонимов связана с конкретно-чувственным представлением об имени собственном его носителя. Закономерно, что эти антропонимы не только вербально отражают реалии, объекты, предметы окружающего мира, но и раскрывают языковую, лингвокультурную, этно- и историографическую информацию. Как правило, номинации-персонимы головных уборов происходят от имен людей, создавших или введших в употребление тот или иной артефакт, например: *фрунзевка*, *буденовка*, *боливар*, *арафатка*, *лужковка*, «*а-ля Шанель*», «*а-ля Рубенс*», «*а-ля Рембрандт*», а также *шляпа Гибуса*, *шапокляк* и др.

Боливар – «широкополая мужская шляпа, бывшая в моде в 20-х годах XIX века» [4, с. 136] восходит к имени Симона Боливара, известного лидера освободительного движения в борьбе за независимость испанских колоний в Латинской Америке. Кроме того, в его честь впоследствии было названо государство Боливия. Несмотря на то что большие размеры полей *боливара* ограничивали прохождение какого-либо человека в узкую дверь, данный головной убор был своеобразной формой выражения политических симпатий и протеста. В настоящее время большие шляпы с плоскими полями часто именуют как *шляпа «а-ля Рембрандт»* или *шляпа «а-ля Рубенс»*, потому что они присущи портретной живописи указанных художников.

Примечательно, что номинация *шапокляк* представляет собой синонимичное обозначение широко известного *цилиндра*, который пользовался огромной популярностью в среде модников конца XIX века. Данная лексема заимствована из французского языка, где «*chapeau claqué* – цилиндр с закрывающимся механизмом» [2, с. 287] или *складной цилиндр*. Так называемый *шапокляк* часто назывался «*шляпой Гибуса*» по имени его создателя французского ученого Gibusshot.

Кроме того, необходимо заметить, что носители русской культуры слово *шапокляк* ассоциативно связывают с героиней мультипликационного произ-

ведения Эдуарда Успенского – Шапокляк. Так, автор «Крокодила Гены и Чебурашки» при помощи метонимического переноса называет таким образом свою героиню вследствие ее головного убора, фантастически трансформирующегося в руках хозяйки. Таким образом, очевидно, что Эдуард Успенский сопоставляет героиню своего произведения с предметом и, как следствие, персонифицирует его. Примечательно, что в XIX веке *шапокляк* был обязательной принадлежностью бального туалета мужчин к фраку, этот факт и послужил аналогией при создании вышеуказанной персонификации.

Отметим, что создание прецедентного имени и прецедентного текста напрямую связано с вышеуказанным способом формирования художественного образа, который и приводит к актуализации механизмов прецедентности (по классификации В.В. Красных) в русской языковой картине мира. Тем самым, лингвокультурема, находящаяся в концептосфере и языковой картине мира одной культуры, определяет лингвокультурное и когнитивное составляющее прецедентного феномена, который принадлежит другой культуре.

Обратим внимание на прагматическую составляющую номинации *лужковка*, *лужок*, которая в разговорном стиле означает кепку по фамилии бывшего мэра Москвы Юрия Лужкова. Данная «*лужковка*» являлась непременным атрибутом образа мэра. «Визитной карточкой» другого известного лидера, председателя Исполкома Организации освобождения Палестины, президента этого государства, а также лауреата Нобелевской премии мира Ясира Арафата являлась *арафатка*. Данный головной убор представлял собой непременный атрибут имиджа Ясира Арафата: президент Палестины везде носил данный головной убор – элемент национальной одежды в некоторых арабских странах. Примечательно, что сама номинация *арафатка* получила распространение только в русском языке, арабы же этот головной убор называют «*шмаг*», который представляет собой платок, покрывающий согласно вековым традициям голову истинных мужчин и удерживаемый черным кольцом – *икаль* (головной обруч).

Следует отметить, что этнокультурные особенности, входящие в «лексический фон» лексемы *арафатка*, связаны, прежде всего, с различной расцветкой указанного платка, со способом его ношения, социальным статусом, региональной принадлежностью и т.д. Например, в Палестине этот черно-белый головной убор в клетку носят с любой формой одежды, а в

Йемене, Саудовской Аравии, Объединенных Арабских Эмиратах и других странах *шмаг* носится только с национальной одеждой и может быть разной расцветки. И тем не менее, *шмаг* оказывается строго обязательным для всех мужчин в арабском мире в пятничный – мусульманский день, на свадьбах в контексте национального костюма. Добавим также, что немало важную роль в отдельном регионе арабских стран играет способ повязывания *шмага*, свидетельствующий о социальном расслоении людей (бедные / богатые, городские / деревенские).

Кроме того, прагматические коннотации лексического значения данной языковой единицы могут быть как положительными, так и отрицательными в зависимости от ситуации и соответствующего контекста. Так, палестинцы воспринимают вышеуказанный головной убор как символ свободы, независимости, борьбы, а сама лексема имеет мелиоративную прагматическую оценку. Кардинально противоположным оказывается ассоциативный образ, связанный с данным головным убором, у израильтян, для них *арафатка* – это символ насилия, агрессии и непримиримой вражды; и в этом случае, безусловно, прагматические созначения содержат пейоративную оценку данной номинации.

Вышесказанное свидетельствует о взаимодействии оценочного и денотативного компонентов семантики. Очевидно, что семы оценки могут одновременно выражать как позитивное, так и негативное отношение к характеризуемому явлению. Также необходимо отметить, что смысловой аспект описанных номинаций содержит необходимые семантические маркеры, которые эксплицитно или имплицитно представляют определенный объем этнокультурных знаний в кругозоре носителей русского языка и участвуют в формировании понятия «головной убор».

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. *Алефиренко Н.Ф.* Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка. М., 2012.
2. *Захаржевская Р.В.* История костюма. От античности до современности. М., 2007.
3. *Колесников Н.П.* Словарь омонимов русского языка. Ростов н/Д, 1995.

4. *Крысин Л.П.* Толковый словарь иноязычных слов. М., 2007.
5. *Ногейра Х. , Туровер Г.Я.* Русско-испанский словарь. М., 1976.
6. *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. М., 1980.

R E F E R E N C E S

1. *Alefrenko N.F.* Linguoculturology: value-semantic space of language. М., 2012.
2. *Zakharzhevskaya R.V.* History of the costume. From antiquity to modernity. М., 2007.
3. *Kolesnikov N.P.* Dictionary of Russian homonyms. Rostov-on-Don, 1995.
4. *Krysin L.P.* Explanatory dictionary of foreign words. М., 2007.
5. *Nogueira H., Turover G.Ya.* Russian-Spanish dictionary. М., 1976.
6. *Ozhegov S.U.* Dictionary of Russian language. М., 1984.

25 июня 2019 г.
